

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Наш корреспондент в Париже Юрий Коваленко взял у Василия Павловича Аксенова по пути из Вашингтона в Москву интервью, которое «Известия» напечатали в № 139. Но нам показалось, что этого мало, и мы эстафетным порядком приняли писателя в Москве и пригласили в редакцию. Кто-то может это назвать брифингом, кто-то перекирестным допросом... А если по-простому, то по принципу «хорошо сидим». Мы не раз практиковали эту популярную в наредне форму общения и вошли во вкус таких свободных переговоров.

В 1980 году Василий Павлович «уехал» из страны с валютным билетом. Сейчас у него постоянный звездный билет в оба конца, и желание пообщаться легко осуществимо.

— Удастся ли вам в звездно-полосатом Вашингтоне читать отечественную прессу? — был задан первый вопрос.

— Удастся, читаю. Но доставляют крайне нерегулярно. То долгое время ничего, то сразу много...

— Вообще, если сравнивать западную печать со всей сегодняшней русской прессой, то русская пресса, может быть, самая свободная, а может, и самая разнузданная в мире... То есть западная печать тоже, конечно, свободная, но имеет определенные рамки, если хотите, какой-то консерватизм, которого придерживается годами... И «Вашингтон пост», и «Нью-Йорк таймс» не любят выходить за свои рамки. Помню, когда я приехал туда в 1980 году, то заметил, что «Лос-Анджелес таймс» называет Ленина — Николай... «Какого черта», — спрашиваю у знакомого журналиста, — называете нашего Ленина Николаем? Он жет: Владимир!.. Тот мне отвечает: «Мы знаем. Но «Лос-Анджелес таймс» называет его Николай!»

Они когда-то, пятьдесят лет назад, называли его Николай и с тех пор так и называют, хоть разбейся!.. Потом кто-то у них напечатал пояснение, что кличкой «Николай» он когда-то подписывался, для конспирации, а настоящее его имя — Владимир Ульянович Ленин.

— Возвращаясь от усопших лидеров к живым еще газетам, — сказал Николай Бодварук, — считаете ли вы, что для наших газет тоже нужны рамки?

— Они будут выработываться. И будут рамки, но другого характера — не цензурные, а рамки вкуса, рамки стиля. А старые цензурные традиции сломаны, я надеюсь... Время-то революционное...

— Я хотел бы зацепиться за последнее словосочетание, — революционное время, — зацепился Владимир Наденин. — Революционное время чаще всего было связано с каким-то всплеском литературы, искусства... И главным образом, новых жанров. Такое ощущение, что попались почки, и то, что зрело, что было на вторых, на третьих ролях — становилось господствующим. Нет ли сейчас ощущения, что наше сегодняшнее, революционное время не связано с новым всплеском литературы и искусства? И вообще, возможен ли перерыв в культурном процессе, пока не наладится рынок, пока не появится колбаса как символ благосостояния?

— Во-первых, я должен вам возражать, Володя, я не совсем согласен, что революция вызвала бурный расцвет в литературе и искусстве. Революция в искусстве вызвала этот расцвет, но не революция в обществе. Эти явления просто хронологически близки: революция в искусстве, начатая еще в серебряном веке, совпала с революцией в обществе, но сама по себе социальная революция не принесла добра. И то, что мы говорим о 20-х годах, как о периоде расцвета, — это неверно. Это был период умирания серебряного века... Еще были живы остатки серебряного века, остатки авангарда, возникшего в недрах либерального общества, которое сложилось в России постепенно после отмены крепостного права... В общем, если говорить об искусстве 20-х годов, что оно было не благодаря революции, а вопреки ей... Писатель, вообще-то, врун, выдумщик. Нельзя точно воссоздать именно то время, о котором он пишет. Андрей Битов очень точно сказал, что литература XIX века подменила сам XIX век. Он был не таким, каким его сделали в наших глазах литература... А сейчас, если говорить о нашем времени, то я с вами согласен — действительно возникла какая-то блокировка литературного процесса. Может, даже и вообще в искусстве. Ибо процесс отрицания всего привел нас к какому-то тупику... Похорошили сначала соцреализм, потом похорошили шестидесятников заживо... Теперь говорят, что вообще русская интеллигенция мертва. То есть идет такой негативный процесс, и мы теперь имеем странную картину неверно понятой концепции постмодернизма... Такой постмодернизм пожиратель дерьма. Считается, что ты не постмодернист, если не начнешь свое сочинение с описания каких-то клоаков... Это мода. Это довольно естественный результат общего распада, на мой взгляд. Трудно было ожидать, что после 75 лет навязывания форм, вкусов и жанров возникнет вдруг Ренессанс...

Как это ни огорчительно, но приходится согласиться, что со спонтанным возникновением Ренессанса на обломках тоталитаризма придется повременить. Рассуждения о том, что поэт в России больше, чем поэт, и как иллюстрация — разгон в свое время писательской группы «Ме-

троскоп» отнюдь не так не добрыми.

— Читающую публику «Метроскоп» особенно не интересовал. Читающая публика уже и так все в основном прочла. А вот ЦК и КГБ заинтересовались очень! Не потому, что мы претендовали на роль большую, нежели поэтов и писателей, а из-за того как раз, что «Метроскоп» стремился к чисто литературной функции, никак с властными структурами не пересекаясь, а существуя, так сказать, автономно...

— Но тогда целый пласт кураторов лишается работы!

— Безусловно! Ко мне в 1977 году, помню, приходили домой

ромцем, русским богатырем с дубиной. А он, между прочим, за эти годы, оставаясь, конечно, огромной литературной фигурой, стал еще и вермонтским джентльменом... Играет в теннис, может быть, и в гольф?

И, как умный человек, он, безусловно, понимает, что должность государственного прокурора ему не к лицу...

— Разрешите еще один некорректный вопрос? Вы были популярнее ТАМ, когда вы были ЗДЕСЬ? Или?..

— Вы знаете, я был популярнее там в 60-е годы, после «Звездного билета»... Это был такой бестселлер, который издали в 27 странах... Правда, по существу тогда законам, денег я за это не получал. Но мне вознило и держалось. А в 70-е годы, когда я ничего практически не мог напечатать, имя стало забываться. И, приехав в США, я был неприятно удивлен, как мало я известен. И начал делать себе писательскую репутацию почти с нуля. А это очень просто, знаете ли... Сейчас у меня, видимо, нет очень широкого читателя там, в Америке, но ли-

нас помните, уж так получилось... Но у нас все самое лучшее!

— Да, очень похоже!

Поскольку многие из собеседников бывали в Америке в командировках, а Наденин просто два года был собкором в Вашингтоне, то в беседе еле уловимо, но прослушались ностальгические оттенки: у журналистов по Америке, у Аксенова — по России...

— Вы надоели, Василий Павлович?

— Примерно до 25 августа. Каким-то в университете кончаться.

— Ах, каким-то... А мы думали, вы хотите поприсутствовать, посмотреть, как пройдет нынешний август...

— Кстати, я побывал в Останкино на этом сборище...

— Вас узнавали?

— Один приглядывался, очень настороженно... То ли узнал, то ли почувствовал чужого по духу...

— Что вы ощутили?

— Ну, если я скажу, что отвращение, то это естественно. Понимаете, там слишком много кликизма. И жалко их очень, и какой-то признак вырождения виден в их лицах... Очень сильный заряд ненависти там присутствовал. И накопление такого заряда может образовывать разрушительную шаровую молнию, если вовремя не заметить этот негативный потенциал.

Конечно, возникают параллели с первым летом русской демократии 17-го года, уничтоженной красной сотней. А сейчас и красная, и черная сотня вместе... Это просто поражает, такое единение.

— Но могут ли они предложить альтернативу обществу, могут ли вообще предложить что-либо конструктивное?..

— Ничего, кроме казармы. Казармы, еще более жестокой, чем была при Сталине... Они могут загнать всех в эту казарму и восстановить систему выдачки вместо системы рынка... И все! Развитие остановлено.

Вот я был в Останкино и был в Столешниковом переулке. Это альтернатива. При всем безобразии Столешникова рынка он представляет собой базар. Базар всегда альтернатива казарме!

Собственно, ничего оригинального в Столешниковом базаре нет. В 1990 году я объездил пять стран Восточной Европы и видел точно такие же Александр-плац, на Аллеях Ерозиловских, в Будапеште, на границе Югославии... И точно такие же люди сидели, и точно этим же торговали...

И в то же время, где это у нас такое было мыслимо, что-бы человеку в одном переулке могли предложить все — от зубной пасты до автомобильных запчастей... Обувь, одежда, парфюмерия, еда, утюги, видео-техника... Даже фальшивые куклы «Барби» турецкого происхождения... Это неслыханное раскрепощение.

А с другой стороны требование немедленного закрепощения. Вот кто в данном случае больше патриот: базарный люд или те?

В самой фразеологии вопроса прочитывалось мнение Аксенова. «Базарный люд» — торговый народ, купцы, корабельники, разносчики, офени...

«Те» — безликое лицо ненависти.

— А какую реакцию вызывают и «те», и «эти», и вообще все, что с нами произошло в американских академических кругах? — спросил Василий Захарько.

— Шок! Весь этот распад поверг многих моих знакомых в академических сферах в шоковое состояние. Они говорили: «Как же так! Вся наша научная жизнь, все общественно-политические труды — все провалилось!» Опровержение марксизма, которое произошло в России, вызвало у них катастрофу ментальности, сознания. Ведь когда-то они, их предки, бежали из Европы от погромов и привезли с собой марксизм, и верили в его непогрешимость, хотя сами жили по иным политическим и экономическим рецептам... И вот теперь все рухнуло! Они пытаются доказать, что крушение марксизма в России еще ничего не означает... Очень многие вообще отказываются оценить русский опыт, в то время, как главный вклад России в мировую цивилизацию — это ее негативный опыт. Это же потрясающий опыт. Академия кошмаров!

— Вы не хотите купить немного нашей негативной земли?

— Я хотел. Но, оказывается, не имею права.

Вот оно, мелькнуло это прекрасное слово — право. Иметь право, не иметь права, лишить права... Наконец, наше всепогодное «Да какое вы имеете право?»

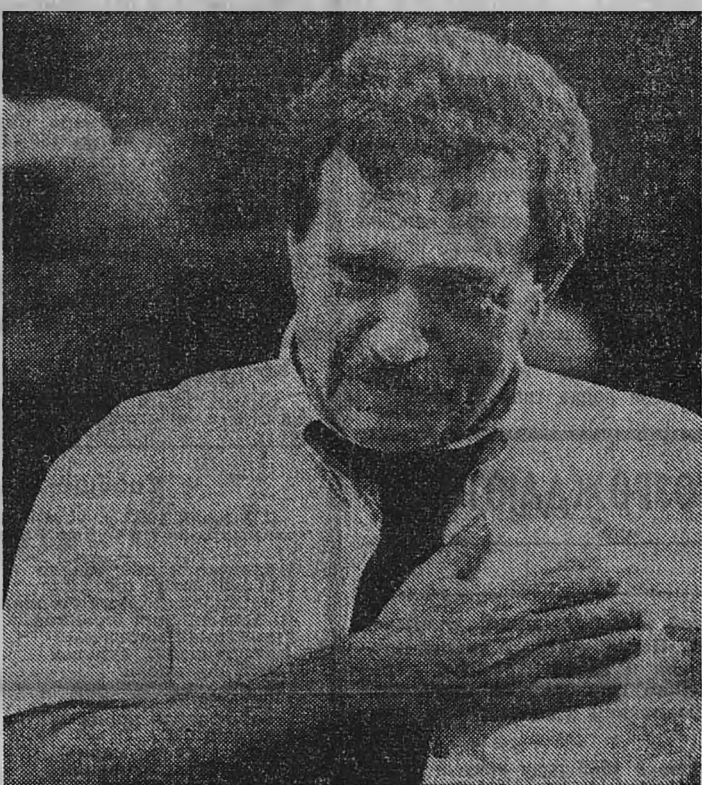
Никакого. Большой русский писатель Василий Аксенов, оказывается, не имеет права купить несколько соток родного глинозема — иностранец...

Сколько их — родных иностранцев?.. Их патриотизм прост и чист, как «доброе утро» — он представляет там российскую культуру на любом языке, любыми красками и музыкальными инструментами...

А что до глинозема, Василий Павлович, — ну его! «Не обращайтесь внимания, маэстро, не убирайте ладони со лба».

Фото Ю. ИНЯКИНА.

ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ

В ОБА КОНЦА

полковник Карпович из КГБ и куратор из Союза писателей — некто Зубков, тоже не без звания... Мой личный идеологический врач...

— Домашний...

— Да. Только являлся не по вызову, а так сказать, по зову сердца. И, естественно, щита и меч... Они очень убедительно меня врачевали от «Ожога». Дескать, если я его опубликую там, то меня здесь обожгут основательно. «У нас», — говорили, — есть сведения, что наши коллеги из ЦРУ хотят раздуть этот «Ожог» и сделать из вас второго Солженицына...

Хотя что там такого критичного было в «Ожоге», я до сих пор не могу понять...

— Интересно, кто лучше разбирается в литературе: наш КГБ или их ЦРУ?

— Ну, естественно, КГБ! Они улавливали все намеки и нюансы. Даже те, о которых я сам не подозревал... А что ЦРУ? Ничего мне никогда не говорили, даже обидно... Нет, наши просто филологи!

Обижает! Поскольку наши успешно сотрудничали и во всех прочих сферах деятельности, то вполне тянут и на энциклопедистов.

— Василий Павлович, позволите некорректный вопрос... Могли бы мы порассуждать о возможности, пусть теоретической, что Александр Исаевич Солженицын или другой писатель его масштаба, приехав сюда, включился бы в политическую борьбу и согласился с определенной ангажированностью тем или иным, а скорее всего, правительственным направлением? Или он разочаруется без исключения всех? — спросил Наденин.

— И прежде всего самого себя. Я боюсь, что его может постигнуть большое разочарование здесь... Общество сейчас более подвержено колебаниям нью-йоркской биржи, нежели идеям писателей... И когда Солженицын после столь долгого отсутствия увидит страну сегодня и задержится на барахолке в Столешниковом, а не проследует напрямую в Ясную Поляну и там не запретится, то у него могут возникнуть очень серьезные моменты в творческом мире... Многие из числа квазипатриотов воображают его каким-то Ильей Му-

тературную репутацию я восстанавливал.

— А как вы вообще вписались в американское общество?

— Я вошел в некоторые сферы американского общества. Как ни странно, в меньшей степени — в литературные. А больше в академические, поскольку стал преподавать в университете... Оказалось, что я могу это делать, причем с удовольствием, а не только из финансовых соображений...

А что касается моего взаимоотношения с американским обществом в целом, то многие его проявления меня раздражают, но тем не менее я чувствую себя дома... Понимаете?.. У меня очень странная раздвоенность получилась: я люблю Россию, это моя родина, но она перестала быть моим домом... Пока. А там не родина, не дом!.. Я там чувствую себя очень естественно, там масса пришлых людей, масса неправильного «инглиша», и все прекрасно уживаются! Поэтому существующее довольно комфортно... Я имею в виду не жилищные удобства, не унитазы с фотозащитой, а психологическое состояние.

В то же время я не чувствую себя американцем. Но там можно не быть американцем и одновременно не быть чужим, не быть инородцем.

У нас в России в патриотизм намешана масса словесных блоков, иносказаний... Ведь раньше говорили: интеллигентшица, шляпа, четырехглазый — часто имея в виду еврея. А сейчас, мне кажется, говорят еврей, жид — имея в виду интеллигента.

— Кстати, Василий Павлович, существует ли в Америке проблема или просто понятие национализма? — спросил Игорь Голембиовский. — Вы, как свежий там человек, должны были ощущать его, если озо есть.

— Там существует понятие патриотизма, это точно. Но он не закован на национальных дрожжах...

И если в их патриотизме определен провинциализм — они до сих пор считают, что в Америке все самое лучшее, хотя это не совсем так.

— Но они это совершенно искренне считают, — дополнил Голембиовский, — дескать, вы уж